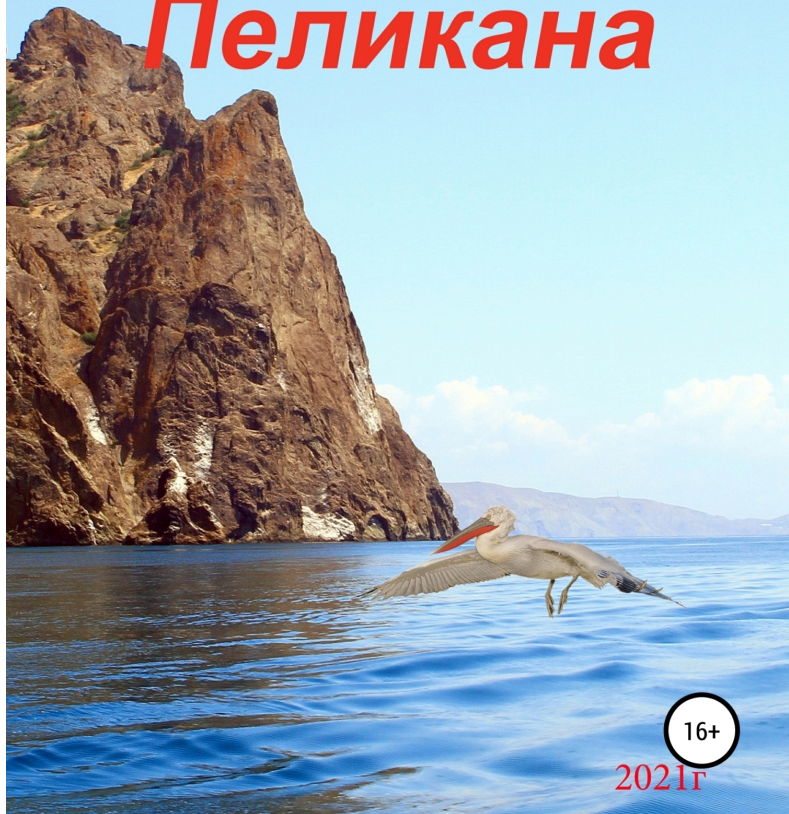

Ольга Конаева

Полёт Пеликана

16+

2021г

Ольга Дмитриевна Конаева

Полёт пеликана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64942027

SelfPub; 2021

Аннотация

Две студентки-однокурсницы приезжают отдыхать на греческий остров Лесбос. У одной родители простые преподаватели, воспитывавшие дочь в строгости и трудолюбии. Другая, дочь крупного предпринимателя, избалованная достатком и безмерной отцовской любовью, ведёт свободный образ жизни, заражается СПИДом и умирает. Убитый горем отец разрабатывает план мести за её смерть, и отправляет ничего не подозревающую подругу обратно на остров для того, чтобы его выполнить.

Ольга Конаева

Полёт пеликана

Часть 1

«Мать греческих страстей и прихотей латинских, О, Лесбос, родина томительнейших уз». Шарль Бодлер.

глава 1

Уже битый час я брожу по запутанному лабиринту узких улочек и никак не могу из него выбраться. А всё дело в Ритке с её новым бойфрендом, красивым, как бог, таксистом по имени Адонис, встреченном нами в аэропорту,

– Куда едем, красавицы? – окликнул он издалека, каким – то непонятным образом угадав в нас русских и не обращая внимания на сердитые взгляды и недовольное ворчание своих конкурентов.

– Оооо! – проворковала Рита, и, оглядев красавца с головы до ног, направилась к его машине.

Я приостановилась и стала наблюдать за ними со стороны. Кудрявый грек с огромными бархатными глазами, римским профилем и потрясающе стройной фигурой и Рита

с её модельной внешностью, длинными рыжими волосами и тонким личиком в форме сердечка были эффектной парой. Нетрудно было догадаться, что Никита, провожавший её несколько часов назад в Московском аэропорту, уже забыт, уступив своё место таксисту. Для Риты это в порядке вещей. Капризная и взбалмошная, она подолгу не встречалась ни с кем, и, меняя партнёров, моралью особо не заморачивалась, уверяя, что мужчина, который смог бы по – настоящему увлечь и покорить её мятежную душу, ещё не родился. То, что этот самоуверенный красавец будет для неё всего лишь очередным приключением, ради которого она уже готова отключить голову и пуститься во все тяжкие, было очевидно.

С самого начала нашего путешествия меня томило гнетущее предчувствие, что я совершила большую ошибку, поддавшись на уговоры подруги поехать на Лесбос. Одно название этого экзотического острова должно было сразу насторожить. Поверить клятвам Риты вести себя прилично могла только такая идиотка, как я, с моими дремучими понятиями о чести и самоуважении. Ради того, чтобы добиться желаемого, Рита может пообещать что угодно, а наутро посмеяться над тем, кто ей поверил. О феноменальной способности подруги попадать в разные истории я прекрасно знала, и сейчас, глядя на её вальяжную походку, поняла, что ничего хорошего в этом мире свободы и соблазнов ожидать от неё не приходится. Ну что ж, она это она, а я это я, и меняться

в угоду кому – то не собираюсь.

Ясно, что и Рита тоже изменять своим принципам не намерена. Мама у неё умерла, когда она была маленькой, отец воспитывал её сам, и исполнял любую её прихоть, забывая о том, что родительская любовь должна быть не только нежной и всепрощающей, но и в меру требовательной, в результате чего из неё выросло то, что выросло. Ей сходит с рук буквально всё – дружба с мажорами, ночные гонки по Москве, нередко заканчивавшиеся дорожными происшествиями (слава богу, пока без летальных исходов), и частые приводы в полицию из – за драк. Да – да, пусть вас это не удивляет, но Рита нанимала тренера для индивидуальных занятий карате, заплатила ему уйму денег, зато теперь, несмотря на кажущуюся хрупкость и изящество, может задать трёпку кому угодно.

Но это дома любые проблемы быстро решаются с помощью отцовского кошелька, а здесь всё может обернуться по – другому. Андрей Сергеевич, её отец, это прекрасно понимал и финансировать поездку, о которой Рита мечтала уже давно, согласился только при условии, что мы поедем вместе, и я буду всё время рядом, чтобы контролировать и сдерживать свободолобивые порывы его ненаглядной доченьки. С Ритой мы сблизились благодаря куратору нашего курса, который уважал меня за мои способности. Не зря мой папа – математик натаскивал меня с младых ногтей, приучая к дисциплине и усидчивости, и прививая способность к точ-

ным наукам. Он попросил её отца взять меня в свой офис для прохождения практики, высказав робкую надежду на то, что, общаясь с такой серьёзной девушкой как я, Рита сможет немного измениться. Не думаю, что Андрей Сергеевич в это поверил, но его просьбу выполнил, и, взяв меня на работу, определил нас с Ритой в один отдел. В общем она человек неплохой, и голова у неё дай бог каждому, а вот терпения и трудолюбия ни господь, ни собственный родитель, ей не дали, поэтому со всеми вопросами, касающимися работы и учёбы она обращалась ко мне. Андрей Сергеевич отметил её успехи и поверил в моё положительное влияние на дочь, чем был очень доволен. Если бы он знал, какие фортеля выкидывает его великовозрастное, избалованное безрассудной отцовской любовью дитя, прикрываясь нашей дружбой, то не был бы таким наивным и не надеялся на то, что наше общение поможет ей хотя бы чуть – чуть остепениться. Вот так и получилось, что мы, с нашими диаметрально – противоположными взглядами на жизнь, всё – таки подружились, и оказались на этом острове.

– Значит, меняем пианиста на таксиста. Похоже, Рита как всегда, в своём репертуаре. Кто б сомневался... Хотя, один плюс в этом красавце всё – таки есть – он неплохо знает русский язык, что весьма немаловажно, если ты, находясь в чужой стране, знаешь всего несколько слов, на котором в ней говорят, да и те в нужный момент вылетают из головы... – подумала я, и, вздохнув, потащила свой чемодан вслед за по-

другой.

Мои предположения оправдались – с этого момента Адонис стал сопровождать нас всегда и везде. Он возил нас по ресторанам и пляжам, плавал на катере по соседним островам и учил танцевать сиртаки. Надо признать, что они с Ритой исполняли этот танец божественно. Понятно, что она отстёгивает немалые суммы за возможность постоянно держать этого красавца вместе с его с автомобилем под рукой, оплачивая ему простой в работе. Ну что ж, имея такого богатого папашу, можно позволить себе любой каприз. Если быть до конца справедливой, работа гида и переводчика тоже чего – то стоит, однако играть при этом в любовь вовсе не обязательно. Но то, что любые попытки обуздать подружку способны вызвать только противодействие, стало очевидно сразу же после того, как эта сладкая парочка стала то и дело исчезать за огромными валунами, окружавшими маленький уютный пляж, на который нас и привёз этот ненасытный, предприимчивый грек.

То, что стала для них помехой, я поняла сразу. Делать вид, что ничего не вижу, ничего не слышу было бы смешно, а слушать их стоны (он словно нарочно не удосуживался уводить Риту подальше) и смотреть, как они, потные и разгорячённые страстью, возвращаются обратно, не очень – то приятно. Однажды Адонис за спиной Риты весьма выразительно посмотрел мне в глаза и махнул головой, указывая туда, откуда они только что вернулись, намекая на то, что не против

повторить то же самое со мной, а может быть даже втроём. Я так же молча сплюнула на песок и растёрла плевков ногой, выразив своё мнение о его предложении. Раздувать скандал было не в моих интересах, слишком зависимое положение, в которое я попала благодаря своей глупости, обязывало сдерживаться. Адонис равнодушно пожал плечами и отвернулся. После этого я стала уходить от них подальше. Забравшись на нависающую над морем скалу, садилась на прогретые солнцем камни и любовалась проплывающими мимо судами, либо ложилась на живот и смотрела вниз, на зеленоватую воду изумительной чистоты и прозрачности. Сквозь неё были хорошо видны камни, покрытые разноцветными водорослями, и суетливые стайки мелюзги, снующие между ними, и замедленные, похожие на танцы движения проплывавших мимо медуз.

Адонис делал вид что ничего не произошло, но однажды, выбрав удобный момент, решил ещё раз облагодетельствовать меня своим вниманием – предложил познакомиться со своим другом, чтобы я не чувствовала себя одинокой. Я не стесняясь послала его куда подальше. Пускай меня считают тупой лохушкой, как им будет угодно, но изменять своим принципам я не буду. Возможно мне показалось, но после этого он стал смотреть на меня более уважительно, хотя мне от этого ни холодно, ни жарко. Рассказывать Рите о произошедшем между нами конфликте я не стала. Похоже, она увлеклась этим молодцем не на шутку, а что в ней привлека-

ло его, любовь или желание побольше заработать, неважно. Обнадёживало лишь то, что в конце концов он ей надоест, и она сменит его на другого воздыхателя. Хотя, какая разница, он или кто – то другой. Главное, чтобы, пока мы здесь, всё обошлось без эксцессов, а Рита при нём вела себя вполне благопристойно, и это немного успокаивало.

Случайно или нет, но вчера, собираясь на пляж, я забыла взять крем от загара. А может и не забыла... Утром Рита собралась подозрительно быстро, и, уже стоя на пороге, то и дело меня торопила. Подозревать в диверсии подругу, хорошо подготовленную к поездке на юг ежедневными посещениями солярия в то время, когда я писала за неё дипломную работу, было как – то неудобно. Рита не соизволила даже толком прочесть плоды моих бессонных ночей, зато Андрей Сергеевич был доволен успехами своей доченьки так, что решил наградить её, а заодно и меня за оказанную ей помощь давно обещанной поездкой в Грецию.

В итоге, обгорев под горячим средиземноморским солнцем, я с трудом добралась до гостиницы, а утром не смогла подняться с постели. Видимо, Рита чувствовала себя виноватой, потому что сама сбегала за сметаной, и собственноручно измазав моё обожженное с головы до ног тело, изъявила желание остаться дома, чтобы за мной ухаживать. Принять от неё такой жертвы я не могла, и, с трудом переворачиваясь с бока на бок, простонала:

– Иди уже, я хоть спокойно посплю...

Рита возражать не стала, и едва дождавшись Адониса, укатила на пляж. Примерно к обеду сметана оказала своё положительное воздействие и мне заметно полегчало. Проводить весь день в постели, находясь в таком дивном месте, было бы глупо. Я заставила себя подняться, походила по номеру, и, решив, что всё не так плохо, дала себе слово не забредать слишком далеко, взяла фотоаппарат и пошла гулять.

глава 2

И вот я брожу по улицам, стараясь держаться теневой стороны, и с упоением щёлкаю затвором фотоаппарата, снимая местные достопримечательности. Катаясь по городу в автомобиле с никогда не замолкающей Ритой, я много не замечала, к тому же, как оказалось, в нём есть уйма интересных мест, доступных только пешеходам. Сейчас меня никто не отвлекал и не торопил, и я могу позволить себе сколько угодно любоваться панорамой бухты, замкнутой в изломанное кольцо скал вместе со снующими по воде яхтами и лодками, приседать перед крутыми спусками, чтобы подчеркнуть длину и высоту лестниц, высеченных в цельном камне бог знает сколько веков назад, и шариться между домами в поисках удобного ракурса, чтобы снять величественную панораму Генуэзской крепости, расположенной на самой вершине горы. Я бродила по небольшим площадям, мощённым стёртым до блеска булыжником вокруг великолеп-

ных фонтанов, любовалась цветами, украшавшими улицы и наслаждалась одиночеством.

Увлёкшись, я переместилась в бедную часть города, в район, похожий на лабиринт, заключённый между рядами каменных трёх – четырёх этажных домов, спускавшихся к морю извилистым амфитеатром. Улицы были настолько узкими, что казалось, если расправить руки во всю ширь, можно свободно дотянуться от одной её стороны до другой. От выщербленных временем и прогретых жарким средиземноморским солнцем стен и каменной мостовой веяло уютным теплом. И полоска синего неба, перечёркнутая протянутыми через улицу верёвками, и трепещущие паруса разноцветного белья, висевшего на них, и красные черепичные крыши внизу, всё создавало иллюзию, будто ты оказалась в далёком прошлом.

Изначально казалось, что заблудиться между бело – розовыми домами, лепившимися на горе подобно ласточкиным гнёздам, невозможно даже при большом желании. Просто нужно идти всё время вниз, к морю и всё. Но у меня, как всегда, когда я слишком увлекаюсь, всё получалось наоборот. Каждый раз, выходя на перекрёсток, я напоминала себе, что пора возвращаться назад, но, заглянув в соседние улочки, обязательно находила что – то необычное. Понимая, что найти это место в следующий раз уже не получится, невольно меняла курс, и, вместо того, чтобы поворачивать вниз, опять поднималась в гору, размышляя о том, что древних масте-

ров, украшавших этот город, давно уже нет, а созданные ими шедевры, начиная с небольших статуй и фонтанов, попадавших в самых неожиданных местах, до кованых дверных ручек, выполненных в виде разных мифических персонажей, до сих пор живут, сохраняя их имена.

Возле одной из них я задержалась довольно долго. Старая, но довольно крепкая на вид дверь из толстых, продублённых солнцем и ветром досок говорила о бедности скрывавшегося за нею жилища. А вот ручка на ней могла бы занять законное место в любом музее. Она была сделана в форме головы с выпученными глазами и крючковатым носом, державшей во рту толстое кольцо, используемое вместо звонка. Из – под кольца торчала острая, вытертая до блеска борода, за которую брались руки входящих. Отсняв её с разных сторон и ракурсов, собралась идти дальше, но желание услышать какой звук издаёт этот раритет оказалось сильнее меня, и я взялась за кольцо. Позади раздались шаги, и я оглянулась. Ко мне приближалась женщина в чёрном одеянии, скорее всего гречанка, несущая на согнутой в локте руке плетёную корзинку, наполненную виноградом и персиками. Проходя мимо дверей, привлёкших моё внимание, она остановилась, достала из корзинки бутылку с молоком и поставила на порог. Взглянув на меня, ткнула в неё пальцем, буркнула что – то невнятное и, покачав головой, пошла дальше. Я пожала плечами, не понимая, что означают её слова, и подождав, пока гречанка отойдёт подальше, приподняла кольцо и резко отпустила.

Кольцо оказалось довольно тяжёлым, а щелчок, прозвучавший при ударе о планку, на которой держалась голова, был похож на пистолетный выстрел.

За дверь послышался вздох и недовольное ворчание. Я понимала, что, по причине скудных знаний греческого языка не смогу объяснить причину, по которой побеспокоила хозяев, и собралась пуститься наутёк, но дверь открылась неожиданно быстро, словно древняя, тоже одетая во всё чёрное старуха, выглянувшая из – за неё, давно стояла с обратной стороны, прислушиваясь к доносившимся снаружи звукам. Должно быть, я была не первой, кто тревожил её покой подобным образом.

Бежать было поздно, да и неудобно, и я стала лепетать извинения, покаянно сложив ладони и глядя на смуглое морщинистое лицо, крючковатый нос и сухие втянутые губы старухи. Однако та меня не замечала и застыла столбом, сосредоточив внимание на удалявшейся гречанке. Её голова, обрамлённая седыми космами, выбившимися из – под косынки, чудом державшейся на затылке, мелко подрагивала, губы беззвучно шевелились, шепча что – то явно непредназначенное для чужих ушей. Долгий пронизывающий взгляд, провожавший гречанку, говорил о том, что между этими женщинами существует давний затянувшийся конфликт, разрешить который не под силу никаким потрясениям и даже самому времени, замедлившему свой бег в этих сонных безлюдных улицах.

Можно было продолжать путь, но я оставалась на месте. Что – то было в этой старой, и, как мне казалось, глубоко несчастной женщине, притягательное, заставлявшее испытывать чувство сострадания и порождавшее невольное желание ей помочь.

Гречанка прошла метров сорок, и ни разу не оглянувшись, исчезла за поглотившей её дверь. Вздохнув, старуха перевела взгляд на меня и удивлённо подняла брови, словно я появилась здесь только сейчас. Я смутилась, представив себе, что думает эта женщина, глядя на белобрысую и краснокожую великовозрастную девицу, одетую в короткий топик и джинсовые шорты с потрёпанными внизу краями, едва прикрывавшими ягодицы, и чувствовала, что моё лицо, и не только лицо, а вся обгоревшая на солнце кожа краснеют ещё больше. Я развела перед нею руками, давая понять, что ещё раз покорнейше прошу прощения и развернулась, чтобы идти восвояси, но та вдруг заговорила, показывая пальцем на мои воспалённые чресла. Похоже, старуха хотела объяснить, чем лечится подобный недуг.

– Мне очень жаль, но я ничего не понимаю... – ответила я, и, тыча пальцем себя в грудь, представилась, – я Лера, Валерия...

– Леа... – ответила старуха, показав на себя, и снова стала что – то объяснять.

И вправду жаль, что я ничегошеньки не понимаю, думала я, кивая головой, возможно, её совет пришелся бы кстати.

Прерывать пожилую женщину на полуслове было неудобно, но продолжать это бесполезное общение не имело смысла, и я начала потихоньку пятиться, продолжая согласно кивать. Вдруг сверху раздался непонятный шум, похожий на свист крыльев, а по стене мелькнула крупная тень. Я посмотрела в верх и увидела огромную птицу, парящую над нашими головами. Это был пеликан. Он приземлился в нескольких метрах от нас и, аккуратно сложив крылья, стал приближаться, неторопливо и важно переваливаясь с ноги на ногу.

Мне уже не раз приходилось видеть этих диковинных птиц, летавших вдоль побережья, но встречаться с ними так близко, можно сказать лицом к лицу, ещё не случалось, хотя очень хотелось. Я слышала, что в Скандинавии пеликан является эмблемой донорства благодаря легенде о том, что эти птицы могут раздирать клювом свою грудь и кормить птенцов собственной кровью, и на всякий случай попятилась назад. Хотя видимой агрессии пеликан не высказывал, но у него был такой огромный клюв... В интернете пишут, что в его мешке может поместиться три ведра рыбы, целых три!!! Хотя доверять всему, что там пишут, не следует, но если долбанёт хотя бы разок, мало не покажется...

Леа стояла спокойно, а её подобревший взгляд, устремлённый на птицу, стал каким – то просветлённым, словно она встретила старого друга. Похоже, пеликан была ручной, и служил местной достопримечательностью. Подойдя ближе, он подставил ей голову и она стала её почёсывать, что – то

приговаривая. Было видно, что оба испытывают друг к другу особую привязанность. Заметив на моём лице восхищение, Леа погладила его по спине и несколько раз повторила: – Густав, Густав...

Не трудно было догадаться, что это его имя.

Леа была такой худенькой и маленькой, что спина пеликана доставала ей почти по пояс. При желании она вполне могла бы его оседлать и полетать в своё удовольствие. На ум пришла Гоголевская Солоха и я живо представила себе эту пару, летающую над ночным городом.

Во мне мгновенно проснулся азарт фотографа. Я подняла камеру и быстро защелкала затвором, торопясь снять эту экзотическую пару. Леа не возражала и стояла спокойно, а пеликан поднял голову и посмотрел ей в глаза, словно спрашивая, что она думает об этой голоногой, вконец обнаглевшей девице. Наверное, Леа решила, что я заслуживаю доверия, и решив нас познакомить, показала рукой в мою сторону и несколько раз назвала по имени.

– Я Лера, Лера... – повторила я вслед за нею.

Леа одобрительно кивнула. Решив, что контакт налажен, я осмелела и приблизилась к ним на расстояние вытянутой пеликаньей шеи. Но моя фамильярность пришлась птице не по душе. Пеликан повернул голову, широко раскрыл клюв и крикнул. Его зычный голос, прокатившийся по стенам домов многократным эхом, был похож на хрюканье или мычание. Его окрик можно было понять, как требование оплаты

за позирование. Я нашарила в сумочке десять евро и протянула Лее. Та молча приняла деньги, и, распахнув дверь, сделала приглашающий жест. Пеликан осуждающе крякнул и уступил мне дорогу.

Преодолев несколько ступенек довольно узкой лестницы, Леа остановилась у таких же серых дверей.

Полутёмная комната, в которую мы вошли, была похожа на вырубленный в скале тоннель, едва освещённый небольшим, затенённым стеной соседнего дома окном, у которого стояло кресло, плетённое из лозы. Рядом с ним уже стоял пеликан. Я сначала удивилась, потом, заметив открытую дверь, ведущую на крошечный балкон, догадалась, что он влетел через него. Кроме кресла в комнате стояли узкая кровать с железной спинкой, накрытая клетчатым пледом, и деревянный стол, больше похожий на верстак. На стене висел длинный и очень узкий, как и всё, что могло поместиться в этой комнате, подвесной шкафчик. Далее находился камин, и небольшая раковина. Она, как и большинство всего, что мне приходилось видеть в этом каменном городе, тоже была высечена из цельного камня. На табурете рядом с нею сиял начищенный медный таз, в котором билась довольно крупная рыбина.

Леа подошла к шкафчику, достала из него небольшой глиняный горшочек, повязанный полотняной тряпкой, затем повернулась ко мне и показала рукой на постель. Я присела на самый краешек, но она легонько подтолкнула меня в

грудь, показывая, что нужно прилечь на спину. Я легла, и, вытянув ноги, интуитивно напряглась.

Леа сняла с горшочка тряпку, и, окунув пальцы в его содержимое, отвратительно пахнущее смесью рыбы и йода, стала смазывать воспалённую кожу на моей груди, животе и ногах. Я сомневалась в том, что снадобье с таким запахом может быть полезным, и попыталась подняться, но Леа преодолела моё сопротивление, и стала потихоньку напевать, придерживая меня одной рукой и продолжая щедро намазывать другой. Её скрипучий голос и непонятные слова звучали монотонно и успокаивающе. Напряжённые от боли мышцы постепенно расслабились и я решила покориться судьбе.

Подождав, пока мазь впитается в кожу, Леа сделала знак перевернуться, и смазала спину и ноги. Затем проделала надо мной какие – то пассы, давая понять, что мне нужно полежать, пошла к раковине. Пеликан недовольно бормотнул, по – видимому, выразил свой протест в связи с тем, что она занимается незваной гостьей, вместо того, чтобы его покормить. Леа поцокала языком и что – то ему ответила. Я слышала сквозь наступившую дрёму какой – то шлепок и шарканье, но сил приподнять голову, чтобы посмотреть на происходящее, не было, и я уснула.

глава3

Судя по сгустившемуся сумраку, сон пошёл в руку и я

проспала довольно долго. Я осторожно провела руками по плечам и животу, и, не ощутив абсолютно никакой боли, обрадовалась. Мазь полностью впиталась в кожу, но запах от меня стоял такой, что от людей желательно держаться подальше. Я села на постели и огляделась.

Леа спала, сидя в кресле. Её голова была неудобно запрокинута назад и набок. На столе стояла большая тарелка с жареной рыбой. Дремавший на балконе пеликан услышал движение и, проснувшись, стал молча за мною наблюдать. Будить хозяйку было жалко, но надо было уходить, на улице темнело, а добираться до гостиницы довольно далеко. Я достала из сумочки ещё десять евро и положила под тарелку в благодарность за исцеление. В животе заурчало от голода. Найдя свой фотоаппарат, я повесила его через плечо, отщипнула небольшой кусочек рыбы и, шепнув, «пока, Густав!», вышла из комнаты на цыпочках, жуя на ходу. Закрывая дверь подъезда, потрогала железное чудище за бородку и загадала желание вернуться сюда ещё раз.

Выйдя на улицу, я остановилась у ближайшего фонаря и тщательно себя осмотрела. Краснота на месте ожогов спала, и кожа приобрела слегка розоватый оттенок. Я легонько пошлёпала по ней руками, и не ощутив никакой боли, взвизгнула от радости. Обгорать мне было не впервой, и я знала, что на то, чтобы ожоги зажили, а кожа облезла и приняла более – менее нормальный вид, нужна как минимум неделя, а тут прошло чуть больше суток и я в полном порядке. Оче-

видно, эта Леа знахарка, хорошо знающая своё дело. Будь она рядом, я бы её расцеловала.

После съеденного кусочка жареной рыбы аппетит разыгрался ещё сильнее. Выйдя на улицу, ведущую в порт, я купила в ночной кафешке пирожок и, жуя на ходу, вприпрыжку поскакала по ступенькам в сторону моря, разруганно-го закатным солнцем. Я не успела проглотить последний кусок невероятно вкусного пирога, когда трое подвыпивших англичан, идущих навстречу, преградили мне путь, приглашая повеселиться вместе с ними. Я стала шархаться из стороны в сторону, пытаюсь их обойти, но они расставили руки и громко гоготали, играя со мной в кошки – мышки. Дело принимало неприятный оборот. В это время я услышала знакомый шум, подняла голову и увидела пролетавшего над нами пеликана. Возможно, это была другая птица, но я почему – то решила, что это друг Леа, которого она послала меня проводить, и закричала во всю глотку:

– Густав, помоги!!!.

Пеликан крякнул от неожиданности и описал над нами круг. Видимо, парни приняли меня за сумасшедшую, водившую дружбу с пеликаном, и, не желая испытывать на своих головах крепость огромного клюва, поспешно ретировались. Хотя не исключено, что они унюхали запах снадобья, которым измазала меня Леа, и их желание продолжать игру отпало само собой. Пеликан полетел по своим делам, а я помчалась со всех ног в сторону отеля.

Как и следовало ожидать, влюблённая парочка сладко спала. То, что на улице наступает ночь, а меня до сих пор нет, никого не волновало.

Я на цыпочках пробралась в душ, хорошенько вымылась и простирала снятые с себя вещи. Пробираясь на балкон, чтобы их повесить, уронила стул и разбудила Адониса. Он тщательно укрыл спящую Риту простынёй, подобрал с пола свою одежду, и, сделав мне ручкой, ушел.

А я налила себе кофе, села к ноутбуку и включила почту.

– Доченька, почему ты вот уже второй день молчишь, всё ли у тебя в порядке? – писала мама.

– Милая мамочка, всё у меня хорошо! Сегодня познакомилась с замечательной женщиной, её зовут Леа.

Ответив на письмо, стала сливать с камеры в ноутбук результаты сегодняшней съёмки. Не все кадры были идеальными, но кое – что всё – таки получилось. Особенно порадовали снимки моих новых друзей, которые я тут же отослала маме, подписав, – Леа и Густав. Спать улеглась далеко за полночь. Странно, что Рита, обычно спавшая довольно чутко, дрыхла как убитая, и ни разу не проснулась, словно её напичкали снотворным.

Проснулась я на рассвете от её стонов. Она лежала на животе совершенно голая и я сразу увидела её воспалённую спину со свеженабитой татуировкой – огромными, буквально на всю спину, крыльями. Именно о таких она стала мечтать после того, как Адонис свозил нас на скалу, с которой

якобы две или три тысячи лет назад спрыгнула легендарная Сафо. Поднявшись на неё вместе с нами, Адонис разыграл целую комедию. Сначала встал перед Ритой на одно колено и прочитал:

– Радужно-престольная Афродита,
Зевса дочь бессмертная, кознодейка!
Сердца не круши мне тоской-кручиной!
Сжался, богиня!
Ринься с высей горних, – как прежде было:
Голос мой ты слышала издали;
Я звал – ко мне ты сошла, покинув
Отчее небо!

Закончив декламировать, он со слезами на глазах пообещал броситься вниз, если она его разлюбит. Звучало это довольно фальшиво, но, похоже, его монолог подругу впечатлил. Разуверять её я не стала. Желает человек верить в высокую и чистую любовь с первого взгляда – да ради бога. И эта скала меня тоже не впечатлила, мне больше понравилась стада коз, лазавших по веткам деревьев, растущих на её склоне. Они выглядели так необычно, что я попросила Риту и Адониса остановиться и станцевать на их фоне сиртаки. А в том, что это скала Сафо, я сомневаюсь до сих пор. Скал на острове более чем достаточно, и назвать именем Сафо, чтобы возить туда наивных девочек и доверчивых иностранцев, можно любую. Но спорить с достоверностью древней легенды дело неблагоприятное, поэтому я молча сняла эту

трогательную картину на видео и забыла.

К татуировкам я отношусь с большим предубеждением, поэтому каждый раз, когда Рита заводила разговор о своём желании набить на своём теле что –нибудь экзотическое, старалась её отговорить и до сих пор мне это удавалось. Теперь стало ясно, почему исчез мой крем от загара. По –видимому, они с Адонисом были в сговоре, и нарочно вытащили тюбик из моей сумки в надежде, что, получив солнечные ожоги, я в течение нескольких дней буду валяться в постели, и не смогу поломать её планы с этой чёртовой татуировкой. Если бы знать, чем это закончится...

Оставшись наедине с больной подругой, я окончательно растерялась. Что делать, чтобы облегчить её состояние, я не знала. Адонис больше не появлялся и на звонки не отвечал. Думаю, он заранее знал, что Рита выздоровеет не скоро, и сидеть у её постели не собирался. Скорее всего, он уже в аэропорту, встречает очередную любовь всей своей жизни.

Единственным человеком, который мог бы нам помочь, была Леа. Я отправилась на её поиски и обошла чуть ли не весь город вдоль и поперёк, но найти не смогла. Ни названия улицы, ни номера дома я не знала. Единственной приметой, которая мне запомнилась, была старая дверь с диковинной ручкой. Но таких дверей в городе было много, поэтому все, кому я пыталась о ней рассказать, только пожимали плечами. Вернувшись домой, я вызвала скорую и заказала билеты на самолёт.

После поездки прошел год. Недавно Рита умерла. Воспаление, заработанное в результате татуировки, она долго лечила самостоятельно, пользуясь советами, вычитанными в интернете, и то, что была заражена спидом, выяснилось слишком поздно. Кто её заразил, Адонис или тот, кто её рисовал, не известно.

Вспоминая дни, проведённые с Ритой на Лесбосе, я зашла в интернет и задав вопрос о достопримечательностях острова, неожиданно для себя наткнулась на фото Леа и Густава, очень похожее на то, что сделала сама. К нему прилагалась следующая история.

Как оказалось, Леа действительно была очень хорошей знахаркой, с юных лет учившейся и помогавшей своей бабке, лечившей всех бедняков города. Ей не было восемнадцати, когда у неё случился роман с моряком по имени Густав, пришедшим к ним за помощью. Вылечившись, он ушел в море и больше не вернулся, а у неё родился сын, которого она назвала в честь своего возлюбленного. Бабка вскоре умерла, и Леа продолжила её дело. Прошло время, Густав вырос и полюбил девушку по имени Мирра, жившую неподалёку от них. Они готовились к свадьбе, когда кто-то рассказал Леа, что пропавший отец жениха любил не только её, а и мать её будущей невестки, и, вполне вероятно, что жених и невеста могут быть братом и сестрой. Подозреваю, что женщина, которую я видела в то время, когда топталась у двери Леа, как раз и была матерью Мирры. Естественно, свадьба расстрои-

лась. Невеста тоже оказалась беременной и умерла во время родов вместе с ребёнком. Её несчастная мать умоляла Леа о помощи, но она долго не соглашалась, а когда пришла, было уже слишком поздно.

На голову Леа посыпались страшные проклятия, которые очень скоро сбылись. Вскоре её Густав был найден на могиле Мирры с простреленной шеей. Самое страшное в том, что он мог бы выжить, если бы помощь пришла вовремя. Едва не сошедшая с ума от горя Леа похоронила его рядом с невестой и неродившимся внуком. Мать Мирры против этого не возражала, но на похороны не пришла. Но на этом эта печальная история не закончилась. Однажды, придя проведать могилу сына, Леа обнаружила на ней молодого, едва научившегося летать пеликана. Как и Густав, он был ранен в шею и истекал кровью. Она перевязала его снятым с себя платком и забрала домой. Выхаживая пеликана, она общалась с ним, как с человеком и он привык к ней настолько, что, выздоровев, продолжает прилетать к ней как к себе домой. Мало того, он стал её кормильцем, так как прилетая, каждый раз приносит в своём огромном клюве рыбу.

глава4

Прочитав историю Леа, я долго не могла прийти в себя и не сразу услышала, что в дверь звонят. Открыв её, оторопела. На пороге стоял Андрей Сергеевич, отец Риты. Узнав, что

она заражена спидом, он почему – то во всём обвинил меня. У меня до сих пор звенит в ушах от его криков о том, что, вырвавшись на волю и отдыхая в своё удовольствие за чужой счёт, я забыла, что этот отдых был устроен именно для того, чтобы я присмотрела за его дочерью, и заболела она скорее всего по моей вине. Я решила, что он сошёл с ума и думала только об одном – как уйти из его дома живой, а во время похорон Риты пряталась за кустами.

Вот и теперь первой моей реакцией было желание захлопнуть перед ним дверь, потому что я была почти уверена в том, что он пришёл сделать то, что не успел сделать в тот роковой день, то есть, меня убить.

Вероятно, он считает, что такое ничтожество, как я, жить после смерти его доченьки не имеет права. Я потянула дверь на себя, но он успел подставить свою ногу, и протиснулся в комнату.

Я смотрела на него во все глаза и тряслась как осиновый лист. В недавнем прошлом это был очень красивый, и здоровый мужчина. Теперь передо мной стоял измождённый болезнью старик. Он тоже молчал, наверное, прислушивался, нет в квартире ещё кого – то, кто мог бы ему помешать. К сожалению, я была в ней одна. Наконец, он спросил:

– Ты позволишь войти?

Запретить я не могла, он уже находился на моей территории, разрешить тоже, и я промолчала. Он понял, что моё молчание означает страх, и тяжело вздохнув, сказал:

– Не нужно меня бояться, я ничего плохого делать тебе не собираюсь. Я пришел просить у тебя прощения. Незадолго до своей смерти Рита рассказала мне всю правду, и я понял, что был к тебе несправедлив. Прости меня, ради бога.

– Пожалуйста, проходите... – ответила я, чувствуя, как страх уходит, оставляя вместо себя жалость и сострадание.

Я провела его в комнату и предложила чаю или кофе. Андрей Сергеевич отказался, и с трудом опустившись на диван, стал молча оглядывать мою полупустую квартиру. Вся моя зарплата уходит на оплату ипотеки, которую меня уговорили взять родители, решившие, что, продолжая жить с ними, я окончательно превращусь в синий чулок и останусь старой девой. Сами они жили на пенсию, часто болели и ничем помочь не могли, поэтому с покупкой мебели пока придется подождать. Но меня это не напрягало, я всегда считала, что чем меньше мебели, тем меньше пыли. Наконец он заговорил и голос его был глух и безжизненен.

– Ты живёшь одна?

– Одна.

– Я хочу, чтобы ты жила у меня.

– Почему? – удивилась я.

– Ты мне нужна.

– Зачем?

– Мне нужен тот, с кем я мог бы поговорить о своей дочери. Поверь, для меня это очень важно. Говорят, время лечит, но это не правда. Чем дальше, тем сильнее я по ней скучаю.

Ты была её лучшей подругой и могла бы многое о ней рассказать. Кроме того, я хочу предложить тебе работу. Я знаю, что ты умная девочка и хороший специалист, а я пережил два инфаркта и уже не могу за всем уследить. Жаль, если то, что я создавал в течение многих лет, пойдёт прахом.

– Я не уверена, что смогу...

– Не спеши отказываться, подумай.

– Я подумаю...

– Я буду ждать. И прошу тебя, не затягивай с решением слишком долго. Было бы лучше, если бы ты поехала со мной прямо сейчас.

– Вы чувствуете себя очень плохо? – догадалась я.

– Плохо...

– Тогда подождите, я быстро.

И вот я живу в огромном Ритином доме, присматриваю за её отцом и работаю в его фирме. Он бывает в ней всё реже, но я держу его в курсе событий, ежедневно отчитываясь о текущих делах, а он помогает мне дельными советами. По вечерам мы разговариваем о Рите и просматриваем слайды с её снимками. Больше всего его интересует наш отдых в Греции. Андрей Сергеевич понимает, что груз ответственности за фирму, возложенный на меня, слишком тяжёл и я сильно устаю, поэтому попросил наговорить мои истории на магнитофон, и слушает их со мной и без меня. Однажды я показала ему фотографии Леа и пеликана Густава, и рассказала их историю.

– Красивая легенда,.. – сказал Андрей Сергеевич, когда я замолчала.

– Это не легенда, – возразила я, – на самом деле всё это происходило не так давно, а главное то, что мне повезло с ними познакомиться, и эти снимки делала я.

– Всё равно, красивая... – ответил он, и о чём – то надолго задумался.

О роли Риты и Адониса в истории этой встречи я умолчала, но он всё – таки понял, что она была. Те фотографии, на которых она снята вдвоём с Адонисом, я убрала в отдельную папку, не желая беречь его больное сердце. Коротенький видеоролик, где они вместе танцуют сиртаки, тоже смотрю только сама, и каждый раз плачу при виде счастливого лица своей подруги. Мне так не хватает её жизнелюбия и способности радоваться малейшему пустяку, как будто она заранее знал о том, что её век будет недолгим и всё, что ей отмерено, спешила исчерпать до самого дна.

Теперь я понимаю, что именно то обстоятельство, что его дочь не упоминалась в связи с историей Леа и пеликана ни разу, прозвучало для её отца как звонок. Он стал просить меня рассказывать её снова и снова. Видя его заинтересованность, я предложила записать и этот рассказ на магнитофон, но он покачал головой и сказал, что хочет слышать его из моих уст. Вскоре я заметила, что слушает он не отводя взгляда от моего лица, и с таким напряженным вниманием, словно пытается уличить во лжи. Жёсткое выражение его лица,

сощуренные глаза и невольно сжимавшиеся при этом кулаки, всё говорит о том, что он всё – таки хочет докопаться до правды и узнать истинного виновника в смерти его дочери. С тех пор наши беседы стали для меня настоящим испытанием. И, хотя моей вины в смерти Риты не было, мне стало очень страшно, и я решила вернуться домой, в свою квартиру. Но у Андрея Сергеевича опять случился гипертонический криз, и я не смогла оставить его в одиночестве.

Вернувшись из больницы, он снова попросил рассказать историю Леа и Густава. Не дослушав до конца, неожиданно потребовал:

– Покажи мне его фотографию.

– Чью? – удивилась я.

– Ты знаешь, чью...

– Не понимаю... – пролепетала я.

– Всё ты прекрасно понимаешь, и не надо строить из себя дуру. Ты показываешь мне фотографии моей дочери, но того мужчины, с которым она проводила время в этой чёртовой Греции, не показала ни разу. Или ты думаешь, я поверю в то, что ты ни разу не сняла их вдвоём?

– Не было никакого мужчины,, – соврала я, сама не зная зачем.

– Значит, не было? – закричал он, – и спидом она заразилась от святого духа? Зачем ты морочишь мне голову, разве я так много прошу?

– Пожалуйста, успокойтесь, вам снова будет плохо...

– Не надо меня жалеть... – протянул он почти по слогам.

Его глаза побелели от гнева, и я подумала, что он сходит с ума. Господи, ну какая же я дура, что до согласилась жить в одном доме с сумасшедшим...

– Ну!!! – рявкнул он ещё раз.

Я вздрогнула, и, сжавшись в комок, пролепетала:

– Хорошо. Конечно, фотографии есть, просто я не хотела лишний раз вас расстраивать... Но ведь то, что Риту заразил именно этот человек, ещё не факт.

– У неё их было много?

– Нет, один. Он был такой красивый, что мне показалось, она впервые в жизни полюбила по – настоящему.

– А о том, что он до сих пор продолжает жить и заражать глупых девочек ты не подумала?

– Может быть... – прошептала я, открывая заветную папку с Ритой, танцующей сиртаки вдвоём со своим божеством, возможно явившемся для того, чтобы увлечь её за собой в ад.

Глядя на улыбающегося Адониса, я вспомнила его обволакивающий взгляд и многозначительный жест, предлагающий сходить с ним за камень, за которым они с Ритой только что занимались любовью, и подумала о том, что Андрей Сергеевич может быть прав. То, что многие больные СПИДОМ, знающие о том, что обречены, могут нарочно заражать других, я уже когда – то слышала. Хотя, судя по тому, как часто он уводил Риту в сторону, на больного он был не похож. Ско-

рее всего, виной её смерти была сделанная ею татуировка. Я хотела сказать об этом Андрею Сергеевичу, но подумав, что выслушивать все подробности их отношений ему будет не очень приятно, да и Адониса ему всё равно не достать, решила промолчать. Он тоже сидел молча, сцепив пальцы рук в замок, и смотрел на фотографии человека, которого считал виновником гибели своей единственной дочери с такой ненавистью, что мне казалось, будто они сейчас вспыхнут. А я кляла себя за то, что их хранила и придумывала, как буду оправдываться, если уничтожу их теперь, после того, как он их увидел. В том, что он захочет увидеть их ещё не раз, чтобы каждый раз его казнить хотя бы мысленно, я не сомневалась, но терзать его сердце не собираюсь, даже если мне придётся уничтожить свой ноутбук и бежать из этого дома куда подальше.

– Не вздумай их удалить. – сказал он, словно прочитав мои мысли, – а лучше сбрось на мой телефон.

Я покраснела и попыталась ему возразить.

– А может не нужно, мне кажется...

– Я не спрашиваю, что тебе кажется. Сделай это сейчас же и можешь идти спать, мне нужно отдохнуть.

Услышав, как его телефон пикает, принимая снимки, и убедившись в том, что прилетело именно то, что нужно, он махнул рукой, отсылая меня вон из комнаты.

Поднимаясь на второй этаж, я подумала о том, что оставлять его одного в таком состоянии не должна, но оглянув-

шись увидела, что он сидит с телефоном в руках и набирает какой – то номер. Вид у него был вполне спокойный. Похоже, увидев лицо своего врага он почувствовал облегчение.

Часть 2

КАЖДОМУ ПО ДЕЛАМ ЕГО,,,

глава 1

Больше показывать снимки Адониса Андрей Сергеевич не просил. Наверное, понял, что подобные всплески эмоций могут ему навредить, и стал вести себя гораздо спокойнее и уравновешенней. Он стал больше времени проводить у своего компьютера, а потом подолгу сидеть с отрешённым видом, словно решая какую – то сложную задачу, хотя рабочими вопросами интересовался всё меньше.

Однажды вернувшись с работы, я увидела, что он сидит на террасе с каким – то молодым человеком.

– Познакомьтесь, это Станислав, мой племянник... – представил Андрей Сергеевич.

Гость поднялся и шагнул мне навстречу. На вид ему было лет тридцать, он был высок, мускулист и довольно симпатичен. Странно, что, общаясь с этой семьёй довольно долго, я ни разу не слышала ни о каких родственниках.

– Здравствуйте... – сказала я, протягивая руку.

– Посидишь с нами? – спросил Андрей Сергеевич.

– Да. Сейчас переоденусь и приду.

– Тогда мы перейдём в гостиную. Здесь становится прохладно.

Я сняла рабочую одежду, в офисе был обязателен дрескод, надела шелковое платье и умылась. Денёк выдался не из лёгких, и я собиралась решить с Андреем Сергеевичем некоторые вопросы. Обсуждать их при госте было бы нежелательно, а ждать, когда он уйдёт, не хотелось. Возложенная на мои плечи ответственность оказалась слишком тяжелой. Чтобы вникать во все нюансы, приходится на ходу учиться и переучиваться, что заставляет находиться в постоянном напряжении. Я очень устала и мечтала хотя бы о нескольких днях отдыха где –нибудь в тихом и желательно безлюдном месте. Хотя, Стас его родственник, возможно, даже будущий наследник. Может быть он и явился как раз для того, чтобы взять бразды правления в свои руки, и это было бы для меня большим облегчением.

Наконец я собралась и спустилась в гостиную. Стол был уже накрыт. Дина, наша помощница по дому, приготовила великолепный ужин. Станислав поднялся и предложил мне стул рядом с хозяином дома. Поблагодарив, я присела и, пока Дина наполняла тарелки, а Станислав разливал вино, вполголоса и очень коротко доложила Андрею Сергеевичу о сегодняшних проблемах, желая понять, могу ли я говорить о них вслух.

– Лерочка, – ответил он, легонько похлопывая по моей

руке, – о наших делах мы поговорим потом, а сейчас давайте кушать.

Значит, придётся ждать конца ужина, Но, поскольку моё дело не терпит отлагательств, а гость, скорее всего задержится допоздна, придётся сидеть с ними до последнего. Вздохнув, я подняла бокал, чокнулась со всеми, и отпила пару глотков довольно вкусного вина. Немного поев, Андрей Сергеевич стал рассказывать о том, что Станислав сын его ныне покойной двоюродной сестры. Сам он моряк, недавно вернулся из длительного плавания. Позвонив дяде и услышав о преждевременной кончине Риты, с которой провёл счастливое детство, а также о его тяжелом состоянии, тут же поспешил его навестить. Станислав сидел с печальным видом и молча кивал головой.

Так вот почему его не было на похоронах.

– Лерочка, – продолжил Андрей Сергеевич, – я рассказал Стасу о вашей дружбе с Ритой, и о твоём увлечении фотографией, и хочу, чтобы ты показала ему свои прекрасные работы. Включи пожалуйста телевизор.

Стас смотрел на мои картинки молча, и только однажды, увидев на снимке крепость, расположенную на вершине горы Лесбоса, сказал:

– А это место мне знакомо.

– Вы бывали на Лесбосе? – спросила я.

– Нет, но видел, когда наш корабль проходил мимо. Говорят, место очень интересное, но бывать на нём мне не при-

ходило, а хотелось бы.

– А знаете что, ребята, – неожиданно сказал Андрей Сергеевич, – давайте – ка я вас отправлю туда на недельку – другую.

– А как же дела? – удивилась я.

Остров оставил у меня гнетущее впечатление и ехать туда, тем более с едва знакомым человеком, даже если это и племянник моего шефа, совсем не хотелось. А главное, у меня стали потихоньку налаживаться отношения с нашим ведущим инженером Гариком Кравцовым. Не думаю, что ему понравится то, что вместо него со мной поедет этот парень.

– Да бог с ними, с делами... – вздохнул Андрей Сергеевич, и поймав мой изумлённый взгляд, добавил: – жизнь так коротка и непредсказуема, что я уже начинаю сожалеть о том, что за делами не заметил, как она пролетела. Лерочка, я не тиран, и хорошо вижу, как ты устала. В этом есть и моя вина, и я хочу её компенсировать. Я чувствую себя неплохо, пару недель как – нибудь без тебя продержусь.

– Но...

– Никаких «но»... – прервал Андрей Сергеевич, – а чтобы с тобой не произошло того, что случилось с Ритой, с тобой поедет Стас, и точка.

Я хотела сказать, что, во – первых, я не Рита, и беспокоиться обо мне вовсе не обязательно, а во – вторых, места для отдыха имею право выбирать сама, так же, как и ехать туда с тем, кто мне нравится, а не с приставленным боссом охран-

ником.

Но... Одно его «но» может заставить замолчать любого. Вот умеет же человек расставлять акценты так, что не знаешь, чем и возразить. Хотя, чему я удивляюсь, по – другому создать такую империю, как у него, было бы невозможно. Ну и что мне делать? Рассказывать ему о легкомыслии его дочери, из – за которого, несмотря на мои советы и предостережения, с ней случилась такая беда, было бы хамством. Этого он не простит никогда, даже если знает не хуже меня, что всё действительно так и есть.

Немаловажную роль сыграло то, что я, со свойственной мне прагматичностью, решила воспользоваться тем, что он положил мне очень хороший оклад, и, понимая, что так будет не всегда, поторопилась выплатить ипотеку и купить кое – какую мебель. Поэтому никаких денежных запасов у меня нет и платить за наше путешествие будет он, а я снова попадаю в зависимость. Теперь я понимаю, почему Рита стала такой, какой она была. Несмотря на свою безграничную любовь к дочери, отец, не справляясь с нею, часто подавлял её своей железной волей, и она сопротивлялась как могла. А потом, чувствуя себя виноватым, отпускал вожжи и снова баловал. Но я сильнее неё и смогу вырваться из – под его гнёта. Теперь я точно уволюсь и уйду из этого дома сразу же, как только отработаю всё, что он в меня вложил.

Готовясь к поездке, Стас всё время расспрашивал меня об Адонисе, о том, как мы с ним познакомились и в каких

местах бывали. А узнав о том, что он знает русский, сразу же предложил снова воспользоваться его услугами. Мне это было очень неприятно.

– Не знаю, – ответила я, чувствуя, как на душе заскребли кошки, – мне не хочется о нём даже вспоминать.

– Но тебя же не просят ложиться с ним в постель... Да и не факт, что он тебя узнает, прошло уже столько времени. В крайнем случае ты можешь надеть парик или перекрасить волосы. А ещё мы можем сделать вид, что между нами любовь, и приставать к тебе не станет ни он, ни кто либо другой. Пойми, я очень любил свою сестру и хочу пройти весь путь, который она проделала на этом острове, но сделать это, не зная чужого языка будет очень сложно. Прошу только об одном, на случай, если этот грек всё – таки тебя опознает, не говори ему, что я её брат, а Риты нет в живых. Скажи, что она куда – то уехала и вы потеряли связь. Хорошо?

– Хорошо... – согласилась я, – тогда и ты пообещай, что поможешь мне отыскать Леа, мне это очень нужно.

– Зачем?

– Я не знаю как объяснить, но мне это нужно.

И вот мы на Лесбосе. Выйдя на стоянку такси, я сразу же увидела Адониса, сосредоточившего своё внимание на пассажирском потоке, вытекающем из терминала. На нас со Стасом он не обратил никакого внимания. Мы подошли ближе, и я посмотрела ему в лицо, пытаюсь понять, узнает он меня или нет, но он скользнул по мне рассеянным взглядом

и отвернулся. Хотя теперь, с перекрашенными в чёрно – синий цвет волосами, чёрными очками на пол лица и ярко накрашенными губами меня не узнала бы даже родная мама. Да и присутствие Стаса его тоже не вдохновляло. Мы остановились неподалёку от него, чтобы он мог нас слышать, и заговорили.

– Как ты себя чувствуешь, дорогая! – спросил Стас, обнимая меня и целуя в щёчку.

– Немного болит голова, но это пройдёт. Ну и как мы будем объяснять таксистам, куда нам нужно ехать? Всё, что мы учили, у меня вышибло из головы из – за воздушных ям, в которые то и дело попадал наш самолёт.

– Ты не поверишь, но я тоже забыл всё до последнего словечка.

– Я была права, нам нужно было воспользоваться услугами туроператора, но разве ты хоть когда – нибудь меня слушал? – капризничала я.

– Солнышко, ты же знаешь, я любитель свободного отдыха, и удовольствие бродить повсюду шумной толпой не для. Я хочу быть с тобой каждую минуту, моя конфетка, и чем чаще, тем лучше, а не в свободное от экскурсий время.

Я почувствовала, что рука Стаса ползёт по моей спине вниз и вильнула задом, пытаюсь её стряхнуть, но он сделал вид, что это игра, и продолжая подбираться к моей ягодице, успокаивал.

– Ты только не волнуйся, милая, сейчас во всём разберём-

ся.

– Стас, не переигрывай! – сердито прошептала я, – не забывай, что мы прилетели сюда не за этим.

– Это не игра, моя детка. Я действительно тебя хочу. – ответил он, лизнув меня в ухо.

– Ты сошёл с ума. – возмутилась я вполголоса, – сейчас же прекрати меня облизывать и лапать, лучше скажи, что он делает.

– Не обращает на нас никакого внимания.

– Понятно. Ему нужны девочки, а не старая дура, которая приперлась в Тулу со своим самоваром. Сейчас же меня отпусти, иначе я стукну тебя по голове, и мы всё испортим.

– Постоим ещё немного. Девочек пока не наблюдается, и я думаю, ему поневоле придётся обращаться к нам.

– Но для этого вовсе не обязательно разыгрывать целую комедию. На нас уже смотрят как на двух идиотов.

– Что же делать, если я от тебя без ума. С этим цветом волос ты стала такой сексуальной, что я готов тебя скушать прямо сейчас, моя сладкая конфетка.

Я напряглась, пытаюсь его оттолкнуть, но он прижал меня к себе ещё сильнее, и, поглаживая мою правую ягодицу, сказал довольно громко:

– Милая, я хочу, чтобы ты сделала на вот этой булочке какую –нибудь татуировку. Только не дракона. Драконы уже не актуальны, нужно что – то необычное, такое, чего нет ни у одной твоей подружки. Например, птицу, держащую в сво-

их лапах змею. Уверен, что это будет возбуждать меня ещё сильнее.

Неужели меня заманили на этот остров ради того, чтобы я ублажала этого идиота? Я пришла в бешенство и готова была плюнуть на всё и треснуть его сумкой со всего размаха, но в самый последний момент сдержалась и укусила за ухо так, что почувствовала вкус крови.

– Дура... – прошипел Стас, зажав меня ещё сильнее, чтобы я не могла вырваться, – молчи, он отреагировал на мои слова и уже идёт к нам.

– Куда едем, молодые люди? – этот голос я узнала бы из тысячи.

– Оооооо! – пропела я, поворачивая лицо к Адонису и снимая очки, – вы говорите по – русски?

– Немного.– поскромничал он.

Значит, он меня не узнаёт. Что ж, тем лучше.

– Нам нужен хороший отель. – вмешался Стас, наконец – то убирая руку с моей попы и показывая, что все вопросы решает он.

– Какой? – поинтересовался Адонис.

– Не знаю. Мы здесь впервые. Желательно самый лучший, цена роли не играет. Главное, чтобы он был ближе к морю, при нём был бассейн ну и конечно хороший вид из окон.

– Хорошо, можем ехать. Позвольте ваши вещи.

Мы уселись на заднее сиденье. Едва машина тронулась с места, Стас заключил меня в свои медвежьи объятия и, не

обращая внимания на водителя, стал целовать взасос. Этот подлец прекрасно понимал, что нарушать нашего сценария и вырываться из его рук я не буду, поэтому мне пришлось терпеть и даже обнимать его за шею. Когда он остановился, чтобы передохнуть, я отодвинулась подальше, и, глядя в окно, сказала:

– Стас, ты только посмотри, какая здесь красота.

– Солнышко, у нас впереди целых две недели, мы с тобой успеем посмотреть всё, что ты пожелаешь. Ты не представляешь, как я по тебе соскучился. – пробормотал он, подгрёб меня обратно, и опять присосался к моим губам.

Справедливости ради следует признать, что целуется он классно. Но то, что его рука полезла под мою юбку, уже не входило ни в какие рамки, и я ущипнула его изо всех сил, но он даже не вздрогнул. Похоже, сила воли у него не хуже, чем у Рэмбо. Я уже начала бояться, что, пользуясь тем, что нас везёт человек, перед которым я вынуждена играть роль возлюбленной дебильного мажора, он изнасилует меня прямо здесь и сейчас, а я не смогу даже крикнуть «караул». Слава богу мы наконец остановились у отеля. Стас договорился с Адонисом, что будет звонить ему, когда нам захочется поездить по местным достопримечательностям, взял у него номер телефона, и, щедро расплатившись, распрощался.

Судя по размеру апартаментов, в которые мы заселились под видом жениха и невесты, денег для нас Андрей Сергеевич не жалел. Едва дождавшись, пока портье, притащивший

наши чемоданы, получит чаевые и закрывает за собой дверь, я наконец – то смогла выразить своё возмущение, и зарычала.

– Стас! Скажи пожалуйста, что это было?

– Что именно? – спросил он как ни в чём не бывало.

– Да всё...

– Не понимаю.

– Он не понимает... – истерила я, – зачем эти безобразные сцены с поцелуями и вообще...

– Ничего безобразного не было, – возразил он, стаскивая с себя футболку – всё как у настоящих влюблённых.

– Если ты посмеешь ещё хотя бы раз...

Он подошел ближе, и, ехидно улыбаясь, сказал:

– А мне показалось, что тебе понравилось, моя сладкая конфетка. Ты так сексуально кусаешься и щиплешься...

– Да как ты смеешь! – мой голос перешёл на визг.

А он как ни в чём не бывало улыбнулся и, промурлыкав, – Я пошел в душ. Если хочешь, пойдём вместе... – провёл пальцем по моим губам.

Я щёлкнула зубами, пытаюсь его укусить, но не успела. Стас понял, что в таком состоянии я могу укоротить его как минимум на одну фалангу, и поспешил убрать. Больше никаких попыток меня очаровывать не последовало. Опасения, что он попытается забраться ко мне в постель, тоже не подтвердились, он совершенно спокойно проспал всё ночь на диване, и даже не храпел.

После завтрака Стас сказал, что ему необходимо отлучиться и явившись часа через два на взятом в прокате автомобиле, попросил меня показать те места, куда нас возил Адонис. Я обрадовалась, подумав, что теперь мы обойдёмся без него и ломать перед ним комедию больше не придётся. Мы объехали все значные места, куда он возил нас с Ритой и которые я могла вспомнить, затем проехали вдоль побережья и побывали на пляже, который тоже был открыт для нас Адонисом. Стас обошел все камни, за которые он когда – то её уводил, словно надеялся найти их следы. Я не стала ему мешать, поднялась на свой утёс, и сидела, глядя на море и вспоминая прошлое.

А потом мы просто катались по острову, дышали ароматом апельсиновых садов и бродили по оливковым рощам, удивляясь живучести этих деревьев с потрескавшимися узловатыми, словно ноги столетних стариков, стволами, рассуждая о том, как много они повидали на своём долгом веку, и кружили по серпантинам вдоль живописных берегов. Я исподтишка поглядывала на Стаса и думала, что так хорошо и спокойно, как сейчас, мне не было ещё никогда и ни с кем.

Как оказалось, он не любил фотографироваться. При каждой попытке навести на него камеру он отворачивался, оправдываясь тем, что не фотогеничен, хотя меня фотографировал с удовольствием и со знанием дела. Естественно, я

всё – таки исхитрилась щёлкнуть его исподтишка, и не раз, надеясь на то, что, показав ему свои снимки, сумею доказать, что его суждение о своей фотогеничности неверно. Да и на самом деле он был очень видный и мужественный, и мне хотелось оставить о нём хоть какую – то память. Однако, вернувшись в гостиницу и сливая съёмку в ноутбук, я обнаружила, что ни единого кадра с его изображением в ней нет, как будто я снимала не живого человека, а какой – то фантом.

Наутро Стас опять уехал один и вернувшись только к вечеру, сказал, что нам необходимо встретиться с Адонисом. У меня заняло в груди.

– Зачем нам какой – то Адонис, если у нас теперь есть машина? – спросила я.

– Детка, ты забыла о своём желании сделать себе татушку.

– Кто тебе сказал? – спросила я, удивлённо тараща глаза, – Да я никогда в жизни не хотела никакой татушки, а тем более теперь, когда Рита умерла именно из – за этого.

– А ты уверена, что она умерла из – за этого?

– Да.

– Почему?

– Потому что Адонис, как мы с тобой видим, жив – здоров и помирать в ближайшие лет пятьдесят не собирается. Больше у Риты не было никого, значит, виной всему является тот, кто набил ей эту проклятую татуировку.

– Вот видишь? А как мы сможем его найти без этого таксиста?

– Никак... – согласилась я, и немного помолчав, спросила, – а зачем нам его искать?

– Надо...

Категоричностью ответа он напомнил своего дядю. Я не стала вникать кому это надо и зачем, в данный момент меня больше волновала собственная попа, и спросила:

– Ты действительно хочешь, чтобы я сделала тату?

– Не хочу, но по – другому найти его не удастся.

– Но я не понимаю, ради чего я должна жертвовать своей задницей, а может быть и жизнью?

– Надеюсь, до этого не дойдёт. Ты умная девочка и сможешь найти какую – нибудь отговорку. Уверяю, делать что – то против твоей воли никто не посмеет.

– И всё – таки мне страшно... Кроме того, мой отказ может вызвать подозрение, и он тут же исчезнет.

– Постарайся, чтобы этого не произошло. И, пожалуйста, не волнуйся, это будет не завтра. Для начала мы покатаемся с этим таксистом по острову, пускай окончательно убедится в том, что бояться нас не стоит, а у тебя будет время всё обдумать и спланировать. Но, как ты понимаешь, ни о прокатной машине, ни о том, что мы всё уже объездили сами, он знать не должен.

Меня немного отпустило, но червячок уверенности в том, что я вляпалась в серьёзную авантюру, сверлил мой мозг до самого утра.

– И ещё хочу попросить, не кусайся так больно... – про-

ворчал Стас, укладываясь на свой диван.

Весь следующий день мы втроём катались по острову и, конечно – же, целовались. Сказать, что его поцелуи меня несколько не волновали было бы враньём, но я старалась это тщательно скрывать. После скандала, устроенного мною в день приезда, Стас стал относиться ко мне, как к деловому партнёру, и пускай так и будет.

Прежде всего Адонис рассказал нам историю Сафо, и повёз на скалу, с которой она прыгнула. В прошлый раз я сомневалась не зря, теперь он показывал совсем другое место. Потом мы побывали на маленьком пляже, на который он возил нас с Ритой. Теперь уже он сидел на моей скале и ждал, пока мы нагуляемся. Мы со Стасом искупались, потом выпили вина, ушли за огромный камень, где повалились на песок, и, зажимая рты, чтобы не расхохотаться, начали сексуально постанывать, делая вид, что занимаемся тем, чем он когда – то занимался здесь с Ритой. Интересно, вспоминали ли он её хоть раз?

На обратном пути Стас смотрел в окно и, громко восхищаясь красивой панорамой, попросил меня заснять её на камеру, а Адониса остановить машину. Он пообещал сделать это на смотровой площадке, но Стас погрозил пальцем, и сказал, что желание клиента закон, и остановиться он должен именно там, где его просят, если конечно вблизи нет видеокамер. Наверное, их не было, потому что Адонис завернул в небольшой карман, вырубленный в скале, и остановился.

Когда мы со Стасом вышли из машины, он нас сопровождал, опасаясь, чтобы его подвыпившие клиенты не попали под проезжающий автомобиль.

– Посмотри какая красота! На месте Сафо я прыгнул бы именно отсюда. – сказал Стас заглядывая с высокого, отвесного обрыва вниз, где медленно накатывала очередная волна, – Какая чистая вода, виден каждый камень! А это же пеликан! Красиво летит, собака, я тоже так хочу... Милая, снимай!

Смеясь, он расправил руки и сделал вид, что хочет подпрыгнуть.

– Стас, прекрати дурачиться, ты сейчас упадешь! – воскликнула я, и, испугавшись не на шутку, обхватила его за талию и прижала к себе.

– Эх, люди, ничего вы не понимаете... – Стас чмокнул меня в щёчку и сказал, – ребята, я хочу пописать. Здесь действительно нет видеокамер?

– Здесь нет... – успокоил Адонис.

– Извините пожалуйста, – сказала я, отворачиваясь, – ему совсем нельзя пить.

– Ничего страшного, человек имеет право отдыхать как ему хочется.

Усевшись в машину, Стас снова стал дурачиться и уговаривать меня сделать татуировку как у Сафо.

– С чего ты решил, что у неё была татуировка? – спросила я.

– А разве не было? – удивился Стас, потом капризно добавил, – неет, я знаю точно, у неё она была. Я хочу, чтобы и у тебя была тоже.

Адонис сделал вид, что слышит об этом впервые и намекнул, что знает одного талантливого мастера, который делает такие вещи, которые под силу далеко не каждому. Правда, берёт за это довольно дорого.

– А вот это неважно, – рассмеялся Стас, – ради моей девушки я готов на любые расходы.

– А как узнать его адрес или хотя бы имя? – спросила я, показывая, что готова поддаться на уговоры.

Адонис внимательно посмотрел на нас в зеркало заднего вида. Стас в это время увлечённо целовал мою грудь и гладил бедро. По – видимому наше поведение убедило его в том, что бояться таких дебилов и терять большие бабки было бы большой глупостью, и он сказал.

– Дело в том, что у него большая очередь и принимает он только по записи. Но вы мне нравитесь, если хотите я вам помогу. Я знаю его очень хорошо, и могу с ним договориться.

– Отлично, – ответил Стас, – договаривайся.

– Дорогой, – проворковала я, – считай, что ты меня уговорил. Я не знаю, какая картинка была у Сафо, но себе хочу сделать такую, которой нет ни у кого. Вероника просто сойдёт с ума, когда увидит, что мои татушки лучше, чем у неё.

– Я только за. Послушай, брат, давай заедем к нему прямо сейчас.

– Нет – нет, только не сегодня, я очень устала. Кроме того, я хотела бы, чтобы картинку мы выбирали сами, не торопясь. Возможно, я решусь заодно сделать что –нибудь ещё, например, вот здесь, только надо придумать что, – я медленно провела ладонью по груди, (видя мой жест, мои родители пришли бы в ужас оттого, что воспитали извращенку), подмигнула Адонису, потёрлась носом о щеку Стаса и спросила. – Милый, ты же не будешь против, если за это придётся доплатить?

– Я уже сказал, не против, только боюсь, что в самый последний момент ты опять передумаешь, такое бывало уже не раз.

– В прошлый раз я испугалась одного вида этих инструментов. Ты же знаешь, что я боюсь даже простых уколов. Если бы я не копалась так долго в его картинках, а сразу села в кресло, всё было бы совсем по – другому. Это как у зубного врача. Когда к нему собираешься, становится так боязно, что трясутся ноги, а когда садишься в кресло, оказывается, что всё не так уж и страшно.

– Ну ладно. – согласился Стас, – Послушай брат, а мы не можем заехать к твоему другу прямо сейчас и попросить, чтобы он дал нам образцы своего творчества с собой, чтобы мы приехали к нему в полной готовности. А то завтра моя красавица точно потратит на выбор картинки полдня, а он человек занятой. К тому же она барышня ненадёжная, сегодня согласна, а завтра нет, я её знаю.

– Я не знаю, надо его спросить... – ответил Адонис, однако уверенности в его голосе не было.

Возможно, он всё ещё сомневался или у них был договор о том, чтобы клиентов, сомневающихся в своём решении, он зря не привозил.

– А если ему позвонить? – налегал Стас, и достав из кармана портмоне, вытащил пачку банкнот и, пересчитав, продолжил, – часть суммы за работу я могу заплатить ему прямо сейчас. Пару тысяч евро хватит?

– Думаю, хватит.

– Скажи ему, что, если моя девочка передумает, назад я их не потребую, – продолжал соблазнять Стас, – так что в любом случае твой друг внакладе не останется. Как тебе такой вариант?

– Думаю, он согласится. Поедем.

глава3

Мы поколесили по городу, поднимаясь в гору, и наконец остановились у двери дома, стоявшего на краю небольшого ущелья. От него было хорошо видно море.

Стас вылез из машины, потянулся и, глядя на раскинувшийся внизу город, сказал:

– Опа! Мне кажется, или я действительно вижу наш отель?

– Да. – подтвердил Адонис, – отсюда до него недалеко.

– А почему мы ехали так долго?

– Проезд есть не везде, поэтому нам и пришлось покружить. Пешком сюда можно дойти гораздо быстрее. Видишь внизу каменную лестницу? Двести пятьдесят ступенек, и ты здесь. Так что, завтра, если захотите, можете пройтись сюда пешком.

– Отлично. Ну давай, веди нас к своему художнику.

– Стас, сходи сам, – заупрямилась я, – я же тебе говорила, что зайду к нему только тогда, когда мы выберем картинку, чтобы человек мог приступить к работе сразу же, иначе опять убегу.

– Детка, я тебя спрашиваю в последний раз, ты будешь что –нибудь делать или нет? – сказал Стас, повышая голос, – если ты помнишь, я пообещал человеку отдать бабки, или мне этого не делать?

– Отдавай.

– Ну смотри, а то опять заведёшь своё хочу – не хочу, буду – не буду...

– Я же сказала – отдавай.

Пока мы препирались, дверь открылась. Из неё вышел невысокий пожилой мужчина. Он что – то спросил у Адониса и стал разглядывать нас в упор.

– Знакомьтесь, это Илья, – сказал Адонис.

– Это и есть твой мастер? – спросил Стас, пожимая протянутую руку.

– Да, это он.

– А по – нашему он чё – нить соображает?

– Нет.

– Ну ладно, тогда ты будешь нашим посредником. Скажи ему, что вот этой девушке надо сделать всё по высшему классу, и объясни наши условия.

Адонис объяснил всё буквально в трёх словах. Илья кивнул и показал рукой на дверь, приглашая войти.

Я отрицательно замахала руками, и он снова обратился к своему земляку.

– Чего он хочет? – спросил Стас.

– Он говорит, что девушке совершенно нечего бояться, он гарантирует безопасность операции и приглашает в дом, чтобы вы имели возможность убедиться в том, что у него есть для этого все условия.

– А мы не помешаем его семье? Время уже довольно позднее... – спросил Стас.

– Он живёт один.

Стас повернулся ко мне и спросил:

– Ну так что, детка, ты идешь или нет?

– Стас, я тебе всё объяснила, и не нужно меня принуждать. Сходи сам, я тебе доверяю, а я прогуляюсь по свежему воздуху. Кажется, меня немножко укачало.

Мужчины ушли, и я осталась одна. На душе скребли кошки и накатило состояние глубокой депрессии, как будто мы делали что – то очень неправильное и нехорошее. Я вышла из машины и стала снимать панораму раскинувшегося внизу города и море, раскрашенное кровавым закатом. Вид был

прекрасный, но я впервые в жизни не получала от своей работы никакого удовольствия, потому что поняла, что оказалась здесь вовсе не потому, что заработала своим тяжким трудом отдых на шикарном курорте, а чтобы послужить банальной подсадной уткой.

С Ильёй они прощались довольно долго, Стас держал в руках альбом, любовался пылающим морем и обещал приехать завтра же, как только я сделаю свой выбор. И, хотя он всё время улыбался и шутил, я видела, что ему так же плохо, как и мне. Вылезая из машины возле отеля, он ненароком взглянул на свою руку, быстро похлопал себя по карманам и стал что – то искать на полу машины, потом спросил:

– Дорогая, ты случайно не находила мои часы?

– Нет, не находила.

Мы втроём облазили всю машину, но часов так и не нашли.

– Чёрт меня подери, – выругался Стас, – по – моему, я потерял их у Ильи или на пляже, где мы с тобой купались.

– Давайте я позвоню Илье, – сказал Адонис, – пусть поищет.

Он стал набирать номер, но, как оказалось, у него закончилась зарядка.

– Чёрт, у меня тоже закончилась... – расстроился Стас.

– Ладно, я позвоню из дома.

– Да ладно, не напрягайся, я сбегаяю к нему сам. Подумаешь, какие – то двести пятьдесят ступенек. А если у Ильи их

не будет, я позвоню тебе с утра пораньше, и мы съездим с тобой на пляж, пока их кто –нибудь не подобрал. Эта вещь мне очень дорога как память о моём отце.

– Конечно. Можешь звонить, как только рассветёт.

– Спасибо, друг. Езжай отдыхай. Милая, я постараюсь вернуться как можно быстрее, но, если ты сильно устала можешь меня не ждать.

Он и правда вернулся достаточно быстро, потный и усталый, что неудивительно. Преодолеть такое количество ступенек за время, пока я приняла душ и скачала съёмку с камеры на ноутбук под силу не каждому. На мой вопрос насчёт часов он молча покачал головой. Наверное, они действительно были ему очень дороги. Естественно, в ресторан мы не пошли. Пока он мылся, я заказала ужин в номер и села просматривать съёмку. Снимки были очень красивые, особенно те, что я сделала на обрыве, с которого Стас пытался взлететь. Выйдя из душа, он присоединился ко мне, и, согласившись, что снимки действительно замечательные, рассматривал их очень долго и внимательно, словно хотел запомнить каждый камень. Сегодня он перебрался в мою постель, предварительно спросив, не буду ли я кусаться, но эта шутка прозвучала как – то невесело, как будто его что – то тяготило. Он прижимал меня к себе так крепко, как будто боялся потерять, и я была счастлива.

Перед сном он спросил, не хочу ли я пить. Я хотела. Он принёс два полных стакана, один выпил сам, второй предло-

жил мне. Я выпила и почти мгновенно провалилась в глубокий сон и проспала до одиннадцати дня. Такого со мной не бывало даже здесь, несмотря на разницу во времени и то, что я нахожусь на отдыхе. Напряженный график работы дисциплинировал, и, как бы поздно я не ложилась, просыпалась всегда не позже шести утра. Стас лежал рядом со мной. Я поднялась в туалет и увидела его часы, они лежали рядом на тумбочке.

– Ты уже съездил на пляж? – удивилась я.

– Нет.

– Откуда же здесь твои часы?

– Оказывается, я забыл их дома.

– Но ты же говорил...

– Раньше такого никогда не случалось, поэтому я решил, что их потерял. А утром пошел бриться и нашел их в ванной, на полочке.

– А Адонис? Он не приезжал?

– А зачем? Мы договаривались, что я позвоню, если он мне понадобится, но часы нашлись, зачем же его беспокоить.

– Ну и хорошо, – сказала я, – давай сегодня никуда не поедем, просто побудем дома.

– Я хотел попросить тебя о том же. И ещё хочу сказать тебе вот что – я очень хочу, чтобы ты была рядом всегда.

– Я хочу того же. А ещё хочу домой.

– Я тоже. Но ты собиралась отыскать своего пеликана.

– Да, мне хотелось бы его найти, только не сегодня.

– Давай сделаем это завтра, или послезавтра, а сегодня валяемся в постели весь день.

На следующий день мы отправились на поиски Леа. Я предложила воспользоваться услугами Адониса, он всё – так знает город получше нас, но его телефон почему – то был недоступен, и больше мы с ним не встречались. Мы поехали сами, исколесили весь город, затем ещё раз прошлись по нему пешком, но заветной двери так и не нашли.

С тех пор минуло пять лет. У нас со Стасом растут два прекрасных сына. Андрей Сергеевич умер совсем недавно. Наше присутствие и забота, а так же общие дела, заставлявшие его отвлекаться от гнетущих мыслей, явились для него мощным стимулом для возвращения к активной жизни. После ухода Риты мне казалось, что, потеряв желание жить, он может уйти вслед за нею в любую минуту. О том, что в её смерти он винил меня, я давно забыла, но его предложение поехать в такое тяжёлое для нас обоих время туда, где всё случилось, считала чуть ли не предательством её памяти. Но он настоял на своём, и я ему за это благодарна. Не будь этой поездки, мы со Стасом не сблизились бы, а он не обрёл бы в нашем лице новую семью. Мы живём в его доме, который он вместе со своим бизнесом завещал мне. Об этом он поставил меня в известность вскоре после нашего возвращения из Греции. На мой вопрос почему бы ему не оставить всё Стасу, ответил, что больше доверяет моему уму и расчётливости.

После его ухода мне казалось, что без его поддержки я потеряю уверенность и наша фирма постепенно придёт в упадок. Но его советы и наставления оказались хорошей школой, и я выстояла и даже смогла её расширить. Мои родители живы. Каждое утро я, убеждённая атеистка, молюсь за их здоровье. Страх потерять близких сильнее любых убеждений, и для того чтобы они оставались рядом как можно дольше, я готова отрицать или соглашаться с чем угодно.

Сегодня я осталась дома одна. Стас уехал с детьми и моим отцом, с которым они стали очень дружны, на рыбалку. Он оказался невероятно нежным и заботливым мужем и отцом, и я была с ним по – настоящему счастлива. Проводив их, я поклонялась по дому и, посмотрев на портрет Андрея Сергеевича, подумала, что пришло время навести порядок в его бумагах. Сам он не делал этого наверное, лет двадцать, и мне тоже не позволял, оправдываясь тем, что у меня достаточно своих дел, к тому же, я могу выбросить то, что ещё может понадобиться. Теперь можно действовать по своему усмотрению, и я начала перебирать бумаги, сортируя на нужные и ненужные. Добравшись до нижнего ящика стола, я обнаружила газету пятилетней давности на греческом языке. Меня удивило то, что она хранится в доме, где его никто не знает. Я скомкала её и бросила в переполненную мусорную корзину, но она упрямо топорщилась и лезла обратно, словно добивалась того, чтобы её прочитали. Я вынула её, немного расправила и стала складывать и приглаживать слой за слоем до тех

пор, пока она не приобрела размер небольшого блокнота, и тут моё внимание привлекла часть фотографии, оказавшейся наверху. Лицо изображенного на ней мужчины показалось мне знакомым, и я в очередной раз вернула газету на стол.

Лучше бы я этого не делала...

На последней странице, в колонке новостей и происшествий, были помещены фотографии Ильи, Адониса и участка серпантина, с которого когда – то собирался взлетать Стас. Меня заинтересовало, почему эта парочка оказалась в газете и как она оказалась в столе Андрея Сергеевича. Я вырезала часть газеты с фотографиями и касающимися их заметками, и хорошенько разгладила утюгом. Затем включила компьютер, сканировала в него вырезанный кусок, и, открыв переводчика, прочитала ужасные новости, случившиеся в один и тот же день как раз в то время, когда мы со Стасом находились на Лесбосе.

Под первым снимком говорилось о смерти мастера по татуажу, найденного в арендованной им квартире со свёрнутой шеей. Оказалось, что против него в своё время проводилось следствие в связи с жалобой о заражении клиентов, но дело было прекращено за недостаточностью улик. Художник был лишен лицензии, но полиция подозревает, что он продолжал работать подпольно, постоянно меняя адреса.

В тот же день немецкий турист, остановившийся на горном серпантине, чтобы полюбоваться пейзажем, фотографировал пролетавшего вдоль берега пеликана, и, заглянув вниз,

увидел лежавшую на дне моря машину, о чём и сообщил в полицию. В ней был обнаружен труп Адониса.

О том, что эти две смерти могут быть взаимосвязаны, ничего не говорилось, но я поняла, что всё было именно так. Лишившись лицензии, Илья рекламировать свой бизнес не мог, для этого и обзавёлся партнёром в лице Адониса. Он находил для него платежеспособных клиентов, узнавал о месте их проживания и знании языка, то есть, выбирал тех, которые жаловаться в полицию не побегут хотя бы потому, что, узнав о своей беде, будут находиться где – то очень далеко.

Прочитав статью, я задумалась. Ко мне пришло запоздалая мысль о том, почему Стас, найдя обоих виновников смерти Риты, в полицию не пошел. Возникает вопрос, зачем нужно было затрачивать столько времени и выдумывать сложные сценарии для их поисков? А главное, почему, увидев эти снимки в газете и узнав наверняка, что ни Адониса, ни Ильи нет в живых, он ничего мне не сказал, однако привёз её Андрею Сергеевичу, который так же молча спрятал её на дне ящика. Я ещё раз проверила дату выпуска газеты, и, удостоверившись, что всё случилось как раз в то время, когда мы находились на Лесбосе, стала вспоминать хронологию событий, происходивших накануне этой катастрофы – нашу поездку с Адонисом по острову, встречу с Ильёй и историю с якобы потерянными часами.

Сопоставляя все эти факты, я постепенно пришла к ужасной мысли. Не мог ли Стас, ходивший к Илье под видом

поиска часов, которые, как оказалось, никуда не пропадали, свернуть ему шею? При его силе это было бы нетрудно.

Далее, утром, пока я спала как убитая, скорее всего, находясь под воздействием снотворного, которое он дал мне с водой, он мог позвонить Адонису, и, отправившись с ним на наш пляж опять же в поисках часов, попросить остановиться в понравившемся ему месте, оглушить и отправить полетать вместе с машиной. После всего этого он спокойно вернулся под видом утренней пробежки назад в отель, где и провалялся весь день со мной в постели.

Я сидела в кресле и чувствовала, как рушится мир, отказываясь верить в то, что мой Стас, такой нежный и заботливый муж и отец, мог кого – то убить. Неужели он также сильно любил свою сестру, которая никогда о нём даже не вспоминала, что решился пойти на преступление? Я перевела взгляд на портрет Андрея Сергеевича и, вспомнив его сверлящий взгляд и сжимавшиеся кулаки, когда он смотрел на фотографии Адониса, поняла, что Стас ему не родственник, и мы были посланы не на отдых, а для того, чтобы найти виновников смерти Риты и отомстить. И Стас это сделал, а я, сама того не подозревая, ему в этом помогла, за что и получила своё наследство. Наверняка, таковым было условие Стаса, которое он, зная о тяжелом состоянии Андрея Сергеевича, оговорил прежде чем согласиться принять его заказ. А газета была привезена как доказательство того, что он исполнен.

Ну и как мне теперь со всем этим жить? Смотреть любимому человеку в глаза и делать вид, что я до сих пор пребываю в счастливом неведении не получится, как бы мне этого не хотелось. И что мне делать, идти в полицию, чтобы сообщить, что мой муж убийца, а я его пособница? Хотя, скорее всего, он не захочет оставлять детей одних и всю вину возьмёт на себя. А мои родители? Каково им будет жить с мыслью, что их дочь преступница? Нет, нет и нет... Я порвала остаток газеты и сделанную мной вырезку в мелкие клочья, бросила в камин и подожгла.

Пускай господь – бог сам воздаст каждому по делам его, а я слабая женщина. Я не могу.